

Путь к Свету

Православный альманах

Шаг пятнадцатый

Цель наша — познать Божественную любовь, всецело возлюбив Господа

Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил (Ин. 1:18). Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы (1 Ин. 1:5). Я свет миру (Ин. 9:5). Я, свет, пришел в мир, чтобы всякий верующий в Меня не оставался во тьме (Ин. 12:46). Ибо у Тебя источники жизни, во свете Твоем узрим свет (Пс. 35:10). В Нем была жизнь, и жизнь была свет человекам (Ин. 1:4). И свет во тьме светит, и тьма не объяла его (Ин. 1:5). Свет пришел в мир, но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы (Ин. 3:19). А поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны (Ин. 3:21). Потому что Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца, дабы просветить нас познанием славы Божией в лице Иисуса Христа (2 Кор. 4:6). Если же тело твоё светло и не имеет ни одной темной части, то будет светло все так, как бы светильник освещал тебя сиянием (Лк. 11:36). Да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного (Мф. 5:16). Вы — род избранный, царственное священство, народ святой, люди взятые в удел, дабы возвещать совершенство Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет (1 Пет. 2:9). [И] будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть (1 Ин. 3:2). Тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их (Мф. 13:43)

Выдержки из писаний святых отцов Православной Церкви

Есть такие люди, которые не только неким молниеподобным образом вкушают от истинных тайн, но на тверди сердца их Само Солнце правды вошло в сиянии лучей своих. В чистом сердце запечатлелось новое небо, явление которого есть свет, и место которого — духовно. А что души праведных соделываются светом небесным — об этом Сам Господь сказал апостолам: «Вы есть свет мира» (Мф. 5:14). Сам, соделав их светом, повелел, чтобы через них просвещался мир: «Зажегши свечу, не ставят ее

под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш перед людьми» (Мф. 5:15–16). А это значит: «Не скрывайте дара, какой прияли от Меня, но сообщайте всем желающим». Сын Божий не только соединил с нашей природой Свою Божественную сущность, приняв одушевленное тело и разумную душу, но — о изобилие чуда! — смешивается еще через причастие святого Своего Тела с каждым из верующих и через это соединяется с самими человеческими существами, становясь одним телом с нами и делая нас храмом всего Божества, потому что в Теле Христовом «телесно» живет «вся полнота Божества» (см.: Кол. 2:9).

Те, кто внутренними очами отражает в себе этот умный свет, блистающий в сердцах, не заняты ничем из земного и вещественного, но всецело погружены в ту неизреченную красоту. Ибо как если кормилица возьмет младенца в свои объятия, а ребенок, видя мать, радуется и веселится, от нее получая молочную пищу, так и имеющие в себе истинный свет Духа и связанные со Христом, созерцая Его, покоятся и «радуются радостью несказанной» (см.: 1 Пет. 1:8), ибо от Него питаются пищей нетленной и в Нем живут жизнью истинной. Как дитя, вышедши из чрева матери, чувствует воздух и, не зная того, тотчас само собою начинает кричать и плакать, так и тот, кто, был рожден благодатию Всесвятого Духа, выходит из мира настоящего, как из мрачной некоей утробы, и входит в мысленный и небесный свет, и некоторым образом проникает в Божественный этот свет, в то же время вдруг исполняется неизреченною радостью и испускает слезы без печали, помышляя о том, из какого рабства тьмы освободился он и в какой блистательный свет сподобился войти. Как в зеркале видится свет светильника, так видится в нем Христос, однако ж не призрачно и не несущественно, как то, что видится в зеркале, но в нем видится Христос, как свет, существенно, невидимо видимым и недомыслимо постигаемым, во образе безобразном и в виде безвидном. Силою Божественного действия христиане опытом познали, что такое — бывающее святым душам озарение Духа небесным светом в откровении и в силе, дабы кто, подумав, что озарение Духа приходит только в результате знания, не лишился вследствие неведения или неправильного понимания предмета более совершенной тайны благодати. Озарение благодати является не только откровением мыслей и знания, но и подлинно вечным озарением ипостасного света в душах.

В то время, когда все остается, как и было, ко мне в средину сердца моего ниспадает свет и поднимает меня превыше всего. И несмотря на то что я нахожусь среди всего окружающего, он ставит меня вне всего, не знаю, не вне ли также и тела. Он ставит меня вне всего видимого и отде-

ляет от всего чувственного. Ни я, ни кто-либо другой не сможет изъяснить тебе того, каким образом Бог — вне всего по Своей сущности, природе, силе и славе, и как Он везде во всем, в особенности же во святых, обитает и вселяется в них разумно и существенно, будучи Сам совершенно пресущественен; как в человеческих внутренностях содержится Тот, Кто всю тварь содержит. То, Что я вижу, есть Солнце, Которое невыразимо приятно для чувства, Оно влечет душу к неизреченной и Божественной любви. Душа же, видя Его, воспламеняется и горит любовью, желая всецело иметь внутри себя То, Что является ей, но не может, и поэтому печалится, и уже не считает за благо видеть или ощущать Его.

Когда же Видимый мною и Никем не востимый, как поистине неприступный, изволит помянуть сокрушенную и смиренную душу мою, тогда Он видится мне, весь во мне зрится блистающим, весь исполняя меня, смиренного, всякой радости, всякого желания и Божественной сладости. Это — внезапное превращение и чудная перемена, невыразимо то, что во мне совершается. Одно созерцание Его служит для меня пищею и прекрасным питанием, соединяясь же с Ним, я восхожу превыше небес и знаю, что это истинно и достоверно бывает. Где же тогда находится мое тело — не знаю. Знаю, что Пребывающий недвижимым нисходит ко мне. Знаю, что по природе Невидимый видится мне. Знаю, что Далеко отстоящий от всей твари воспринимает меня внутрь Себя и скрывает в объятиях, и я нахожусь тогда вне всего мира.

С другой стороны, и я, смертный и ничтожный среди мира, внутри себя созерцаю всего Творца мира и знаю, что не умру, пребывая внутри Самой Жизни и имея всецелую, внутри меня возрастающую Жизнь. Она и в сердце моем находится, и на небе пребывает, здесь и там Она видится мне в равной мере блистающею. Но могу ли я хорошо уразуметь, каким образом это бывает? И в состоянии ли я высказывать тебе то, что разумею и вижу? Ибо поистине совершенно невыразимо то, чего «око не видело, ухо не слышало и что на сердце плотское никогда не восходило» (см.: 1 Кор. 2:9). Что же производит во мне это и что я вижу и не могу высказать? Однако слушай, и уразумеешь эту вещь. Итак, она совершенно недержима для всех, а для достойных и ловима, и сообщима, и преподаваема, и соединена с чистыми неслитно, и растворена в несмесном смешении — вся со всеми непорочно живущими. Она светит во мне наподобие лампы, скорее, она видится сперва на небе, будучи неизмеримо выше небес, видится весьма неясно, незримо, когда же я с трудом взыщу ее и неотступно стану просить, чтобы воссияла, то она или яснее видится там же, отделяя меня от всего земного и неизреченно соединяя со светлостью ее, или вся сполна внутри меня показывается как шаровидный, тихий и

Божественный свет, безобразный и безвидный, во образе безобразном видимый и говорящий мне следующее: зачем ты ограничиваешь Мое присутствие небесами и там ищешь Меня, думая, что Я там обитаю? Зачем полагаешь, что Я нахожусь на земле, и разглашаешь, что Я пребываю со всеми, определяя, что Я везде нахожусь? Итак, это «везде» приписывает Мне величину, но Я совершенно не имею величины, ибо знай, что естество Мое превыше величины, а то «на земле» показывает ограничение, но Я, конечно, совершенно не ограничен. Итак, не зная Бога, Каков Он по образу и виду, по величине и красоте, как я изъясню Его действия? Ты не презрел меня, во тьме на земле лежащего, но коснулся меня Своею Божественною рукою, увидев которую, я тотчас восстал, радуясь, ибо она сияла светлее солнца. Я старался удержать ее, несчастный, но она тотчас исчезла с глаз моих. И я снова весь оказался во тьме, упал на землю, плача и рыдая, валяясь и тяжело вздыхая, желая снова увидеть Твою Божественную руку. Ты простер ее и явился мне яснее, и я, обняв, облобызал ее.

О благодать, о великое благоутробие! Творец дал мне поцеловать руку, содержащую все своею силою. О дарование, о неизреченный дар! Я тотчас оставил мир и то, что в мире, закрыл все вместе чувства: очи, уши, ноздри, рот и уста, умер для всех сродников и друзей, поистине я умер волею своей и взыскал одну только руку Божию. Она же, увидев, что я так сделал, тайно коснувшись руки моей, взяла ее и повела меня, находящегося среди тьмы. Видя ее, я ощутил неизреченное веселие, неизреченную радость и благодушие. Ибо как мне было не радоваться, победив весь мир, посрамив князя мира поднебесного и от руки Божией Божественный получив венец, лучше сказать, саму руку Владыки всех получив — о чудо! — вместо венца? Изливая свет, она виделась мне невещественно. Она простирала мне как бы сосец и сосать молоко нетления обильно давала мне как сыну Божьему. О сладость, о неизреченное наслаждение! Во мне видится как бы звезда, восходящая вдали, и соделывается опять как бы великим солнцем, не имеющим ни меры, ни веса, ни предела величине своей, и становясь малым сиянием, снова видится как свет в середине сердца моего и во внутренностях моих, и делающий их светом.

Я — та звезда прекрасная, которая некогда, как ты слышал, возшла от Иакова, это Я, не сомневайся. Я показываюсь тебе и солнцем, вдали восходящим, которое для всех праведных есть свет неприступный в будущем веке и жизни вечной, и сиянием также и, как свет, тобою созерцаюсь, неопалимо пожигая страсти. Однако Я по естеству невыразим, будучи невместим, неоскудевающ, неприступен, невидим для всех, неприкосновенен, неосязаем и по существу неизменен, один в единой

Вселенной, и один Я неподвижен, ибо где Меня нет, чтобы через перемещение Я достиг Своего места? Как неуловимый, Я не внутри, а как уловимый, не вне нахожусь, будучи же неограничен — ни внутри, ни вне. Ибо Творец внутри чего может быть или же вне чего, скажи мне? Я все ношу внутри, как содержащий всю тварь, а нахожусь вне всего, будучи отделен от всего. Ибо Творец тварей как не будет вне всего? Существовая прежде всего и наполняя все, как исполненный всем, как не буду существовать Я, создав все?

Пойми, о чем Я вещаю тебе. Создав всю тварь, Я отнюдь не переменял места и не соединился с созданиями. Если же Я неограничен, то где, скажешь ты, нахожусь Я, не телесно, говорю тебе, но, пойми Меня, мысленно? Ища же Меня духовно, ты найдешь Меня неограниченным, а потому опять — нигде, ни внутри, ни вне, хотя и везде во всем, бесстрастно и неслиянно, а потому вне всего, так как Я был прежде всего. Но оставим всю эту тварь (образы), какую видишь ты в своих видениях, потому что она не причастна разуму (имеет материальный образ: звезда, луч, солнце и так далее) и справедливо не имеет близости к Слову, будучи лишена всякого ума. Не исследуй естества Моего, сыне человеческий, ни действий Духа Моего Святого, как Он показывается солнцем и видится звездой, появляясь где-то вдали и поднимаясь выше гор. Когда же Он скрывается от глаз твоих, то причиняет тебе неутешимую скорбь и печаль, и в то время как ты полагаешь, что Он еще не явился тебе, Он обретается где-то внутри твоего сердца, неожиданно доставляя тебе и изумление, и радость, хотя и не показывается тебе уже пламенем и не видится сиянием и огнем. И ты удивляешься и исследуешь — однако не полезно тебе это.

Итак, веруй, что Я — свет совершенно неизобразимый, весь простой, несложный, нераздельный естеством, неисследимый и вместе доступный недоступным образом. Ибо поистине Я видим бываю и человеколюбно являюсь, преобразуясь сообразно восприятию каждого из людей, не со Мною, впрочем, это бывает, но видящие так сподобляются Меня видеть, ибо иначе не могут, не вмещают большее. И поэтому одни и те же иногда видят Меня солнцем, когда имеют ум очищенным, иногда же звездой, когда окажутся под мраком и ночью своего тела. Ибо горение любви делает Меня огнем и светом. Зная это, ты отнюдь более не просил бы Меня говорить о таковых вещах или точно изъяснить тебе, ибо они по природе невыразимы и совершенно неизглаголанны, для людей неизреченны, неведомы и для ангелов, и для всякой иной тварной сущности поистине непостижимы. Познай же лучше то, что касается тебя или гораздо более себя самого, и тогда познаешь, что Я совершенно непостижим и сопребываю и люблю одних любящих Меня, и всегда горячо помнящих

Мои заповеди, и никоим образом не предпочитающих им чего-либо скоротечного, с таковыми беседа, Я и буду сопребывать ныне и вовеки. Послушай, что тебе делать, всяк желающий спастись и прежде всех ты, вопрошающий Меня. Думай, что ныне ты умер, что ныне ты отрекся и оставил весь мир, покинув друзей, сродников и всякую суетную славу, вместе с тем, совершенно отбросив попечение о земных предметах, возьми крест на плечи, крепко его привяжи и до конца жизни переноси труды искушений, боли скорбей и гвозди печалей, принимая их с величайшею радостью как венец славы.

Ты помнишь, что крестился когда-то, но потом осквернился, как грешил ты, будучи отроком, как неразумно заблуждался. Ты помнишь, сколько ты плакал, сколько сокрушался, как ты отрекся затем от всего мира. Я как Бог всеведущий знаю ту веру и то смирение, какие ты имел к отцу своему духовному, и то совершенное отречение воли твоей, которое вменяется у Меня в мученичество, ибо не имеющий собственной воли совершенно умирает и обретается в Моей воле, потому что он живет во Мне. Итак, вследствие того, что ты ежедневно понуждал Меня, благого по природе, своими слезами, Я начал, как ты знаешь, чаще являться тебе, мало-помалу очищая душу твою покаянием и сожигая находящееся в тебе вещество страстей — эти не плотские или вещественные, но невещественные терния, как бы мрачные тучи, как бы густую мглу и тьму. После того как ты просветился, разумеется, от поста и трудов бдения, от молитвы и всякого рода злострадания и омылся беспрестанными горячими слезами, Я соделал тебя удобовместимым сосудом, и не только удобовместимым, но и очищенным в огне, чтобы пребывать тебе в нем, внимай, неопалимым. Сделав тебя, таким образом, таковым, летавший вокруг тебя и окружавший тебя Свет, будучи Сам по природе неприступен, весь вошел в тебя и чудным образом изменил тебя прекрасным изменением.

Итак, если ты не всеми твоими делами будешь служить Ему, Свету, то есть Мне, но под некоторым предлогом или без предлога допустишь в сердце хотя бы малый неприязненный помысл против кого-либо и если при этом горячо, со слезами, не раскаешься, удалив от себя покаянием неприязненный помысл, а равно и всякое дурное расположение сердца, то этот Свет не будет пребывать в тебе, потому что Он есть Божественный Дух, сопребывающий со Мною и Отцом, как Мне единосущный. А если ты сам себя покажешь последним из всех, рабом и слугою, то после Я сделаю тебя первым из всех, как обещал Я. Я Бог пребезначальный, Я по естеству Владыка, Царь небесных и преисподних, и все, даже не хотящие, являются Моими рабами. Ибо Я Творец всех, Судья и Владыка, и ныне есть, и буду во

веки веков. Но нежелающего Я никогда не принуждаю, а хочу, чтобы служение повинующихся Мне было свободным и самопроизвольным, совершалось со страхом и любовью. Ибо Я желаю, чтобы таковы были рабы Мои, таковы наемники, таковы и друзья Мои. Прочих же Я не познал и ими не познан. Поэтому жестоким, безжалостным и несправедливым называют Меня и говорят обо Мне сыны неправды. Итак, что делать Мне с ними? Я совершенно недоумеваю. Ибо спасти их без их воли и по принуждению — это показалось бы скорбным для нежелающих спастись. Ведь добро воистину будет добром только по воле, без воли же добро не будет добром. Поэтому желающих и Я вижу, и ими видим бываю, и делаю их сонаследниками Царства Моего. нежелающих же Я оставляю с их желанием в этом мире. И они сами прежде суда бывают своими судьями, так как в то время, когда сиял Я — Свет неприступный, они сами себе причинили тьму, не желая видеть Света, и остались во тьме.

Если же ты поражен прочитанным, то как не покажусь я тебе баснословом, изъясняя тебе то, что вне видимого? Ибо совершенно неизреченны и невыразимы вовсе Божественные вещи и то, что в них. Святые духовно видят свет, как сами говорят, ипостасный, а не символический, не наподобие воображений, сплетающихся от сочетания случайных обстоятельств, и что этот свет есть невещественное Божественное воссияние и благодать, видимые невидимо и понимаемые непостижимо, они знают на опыте, но что такое этот свет, они, как сами говорят, не знают. Ибо несказанно духовное и неизреченно человеческим словом, если только Сам Дух на опыте и на деле не научит достойную и верную душу: о духовном рождении, возрастании и совершенствовании рассказать невозможно, можно только уверовать, что именно так все делает Бог для людей. Невозможно передать образ духовных тайн, потому что все духовное и небесное является неизреченным, и невыразимым, и незримым для плотских очей, для святой же и верной души, приходящей в обладание этим, бывают известны и понятны и общение Святого Духа, и осияния, и небесные сокровища, и законы, и лики, и празднества святых ангелов. Доступны они только познавшему их на опыте своем и удостоившемуся их получить, для непосвященного же невозможно ни представить их себе, ни постигнуть, а следует только благоговейно принять их на веру, потому что это — выше человеческого ума: ибо духовные и небесные вышеизреченные блага тайн Духа не принадлежат нашему веку (они небесные и вечные).

Правило, что «начало мудрости — страх Господень» (Пс. 110:10; Притч. 1:7), есть как бы первая только пелена, мудрость же, преодолевающая страх, перешедшая в любовь, делает нас Божьими дру-

зьями и из рабов сынами. Эта любовь — глава всех добродетелей — есть Христос и Бог наш, Который для того сошел на землю, соделался человеком, восприняв на Себя и нашу земную плоть, чтоб сделать нас причастными Своего Божества, чтоб преподать нам все дары Святого Духа, сделать нас духовными и нетленными и возвести на небеса. Из этого явствует, что если кто не возлюбит Бога от всей души и не покажет любви этой отвержением себя и всего мира, то не сподобится увидеть Его таинственно через откровение Духа Святого. Но кто удостоился вкушения Божественной любви, тот из-за сладости ее обычно забывает все — ведь от этого вкуса все видимые предметы кажутся презренными, душа его с радостью приближается к просветленной любви к людям, не делая различия между ними, и человек тот никогда не побеждается и не смущается их слабостями. Кто сподобился такой любви, тот всех любит и почитает их, как Христа, не презирает никого из тех, которые кажутся нам низкими и ничтожными, и другого никого не ненавидит, не поносит, не осуждает.

Благодать тайно производит в сердцах любовь свою и горечь превращает в сладость, а жестокосердие — в мягкосердие. Никогда человек, не удостоившись прежде усладительной и опьяняющей любви к Богу, не бывает способен приблизиться к просветленной любви к людям. Божественная же любовь происходит отнюдь не от душевного подвижничества и не от естественного движения души в служении добродетели, ибо к этому уровню подвижничества относится страх, ощутить Божественную любовь, находясь на этом уровне, совершенно невозможно. Божественная любовь принадлежит к духовному образу жизни. Когда ум, восприняв силу благодати Божией, посвящает себя целиком памятованию о Боге и любви Божией, это становится поражением и смертью лукавого. И следствием памятования о Боге и любви Божией всегда является чистая любовь ко всем людям. Равным образом из этой любви рождаются истинная простота, кротость, смирение, непорочность, доброта, молитва и все последующие святые заповеди, которые осуществляются в своей подлинной полноте лишь посредством единой, единственной и первой заповеди — заповеди любви к Богу. Кто имеет такую любовь, тот не может падать. Сказываю же тебе, что видел я людей, имевших все дарования и соделавшихся причастниками Духа, и, не достигнув совершенной любви, они падали. А кто достиг этой любви, связан и упоен ею, тот погружен и отведен пленником в иной мир, как бы не чувствуя собственной своей природы.

Любовь эта не дала мне обратиться опять к миру, но я радовался как совсем исторгшийся из уз плоти и, однако ж, все же пребывающий целым

человеком. Мне даваемо было удостоверение, что прощены все грехи мои, и опять я видел себя самого грешнейшим из всех людей. Не мог я не верить Тому, Кто говорил мне, и опять боялся Ему верить, чтоб не впасть в превозношение. Радуюсь, что Христос, в Которого я уверовал, даровал мне Царство вечное и непоколебимое, и опять, как недостойный благ этих, плачу и никогда не перестану плакать. Не смею отверсть уст своих, чтоб просить отпущения грехов моих, — и опять, движимый любовью, воодушевляюсь и приемлю дерзновение молить Бога за других братьев и (говорю в безумии) услышан бываю. Мне кажется, что я достиг самого крайнего предела добродетели, и в то же время чувствую себя погруженным в бездну грехов моих и клонюсь к отчаянию. Когда бываю в чувстве ниже всех, тогда возношусь превыше небес и любовью опять соединяюсь с Иисусом Христом.

Но я не люблю, насколько хочу, и полагаю, что я отнюдь не стяжал любви к Богу. Стремясь же ненасытно любить, насколько хочу, дивное дело, я теряю даже и ту любовь к Богу, какую имел. Подобно тому как сребролюбец, обладающий сокровищем, думает, что совершенно ничего не имеет, потому что не все имеет, хотя он и обладает множеством золота, так, без сомненья, думаю, бывает в этом случае и со мною, несчастным. Так как я не люблю, как хочу и насколько хочу, то и думаю, что я несколько даже не люблю. Итак, любить, насколько мне хочется, есть любовь превыше любви, и я понуждаю свою природу (естество) любить превыше естества. Но слабая природа моя лишается даже и той силы, какую имела, и живая любовь дивным образом умирает. И тогда, напротив, она оживает во мне и расцветает. А как она расцветает, я не нахожу примеров, чтобы изъяснить тебе. Одно только скажу тебе, что всякий бессилен выразить это словами. Поэтому, оказавшись внезапно вне видимых вещей, я впал в страх, видя, откуда я исторгнут. А будущее я видел весьма далеко, и когда я хотел его уловить, у меня возгорелся огонь любви и мало-помалу неизъяснимым образом превратился для зрения в пламя — сперва только в уме моем, а потом и в сердце. Это пламя Божественной любви обильно источало во мне слезы и вместе с ними доставляло мне невыразимое услаждение. И когда я, уверенный в себе, что пламя никоим образом не погаснет (ведь оно горит хорошо, говорил я), и вознерадев, неразумно поработился сну и насыщению чрева и, дав себе послабление, стал побольше употреблять вина, не допьяна напиваясь, однако досыта, немедленно угасла во мне любовь в сердце — это страшное чудо, то пламя, которое достигало до небес и сильно во мне горело.

Что возлюбил человек в мире, то и обременяет ум его, овладевает им и не позволяет ему собраться с силами. От этого зависит и равновесие, и

склонение, и перевес порока, этим испытывается весь род человеческий, испытываются все христиане, живущие в городах, или в горах, или в обителях, или в полях, или в местах пустынных, потому что человек, уловляемый собственною своею волею, начинает любить что-нибудь, и любовь его тогда связывается этим чем-нибудь и не всецело уже устремлена к Богу. Сперва внутри сердца бывают брань, борение, и равновесие, и склонение, и перевес то любви к Богу, то любви к миру. И тогда человек начинает рассуждать, входить ли ему в ссору и спор с братом, он говорит сам в себе: «Скажу ему, нет, не скажу, заведу с ним речь, нет, не заведу». Помнит он о Боге, но и свою бережет славу и не отрекается от себя. А если любовь и склонность к миру перетянет несколько на весах сердца, тотчас лукавый помысл готов подвинуть и уста на зло. Потом уже ум как бы натянутою стрелою изнутри устреливает ближнего языком в сбережение славы своей. Чем привязан кто к миру, малым ли или великим, то и удерживает его и не позволяет ему собраться с силами. С какою страстью человек не борется мужественно, ту он любит, и она обладает им, и обременяет его, и делается для него оковами и препятствием уму его обратиться к Богу, благоугодить Ему и, послужив Ему единому, соделаться благопотребным для Царствия и получить вечную жизнь. А душа, действительно стремящаяся к Господу, вся и всецело к Нему простирает любовь свою и, сколько есть сил, к Нему единому прилепляется своим произволением, и в этом приобретает помощь благодати, отрицается сама себя и не следует хотениям ума своего, потому что по причине неотлучного с нами и обольщающего нас зла ходит ум наш лукаво.

Душа, всецело посвящающая себя слову Господа, отрешается от всяких видимых уз и совершенно предается Господу. А в таком случае в состоянии будет она перенести борьбу, труды и скорби. Ибо что любит душа, в том находит для себя и пособие и обременение. Если любит что в мире, то это делается для человека бременем и узами, влекущими к земному и не позволяющими восходить к Богу. А если душа любит Господа и Его заповеди, то в этом находит для себя и пособие, и облегчение: оттого что всецело хранит любовь свою ко Господу, легкими делаются для нее все заповеди Господни. Это погружает человека в добро, лучше же сказать, облегчает и делает для него нетрудными всякую брань и всякую скорбь, Божьей силою низлагает он мир и силы порока, которые томили его душу в этом мире и в пучине мира опутывали его душу сетями всякого рода пожеланий. Таким образом, как скоро душа возлюбила Господа, исхищается из этих сетей собственною своею верою, жаждою и стремлением, и помощью свыше сподобляется вечного Царства и, действительно возжелав это Царство, по собственной своей воле и при

помощи Господней не лишается уже вечной жизни. И тогда станет легким и доступным нам все повеление Божие о заповедях, поскольку любовь к Богу облегчает заповеди, а трудность осуществления их ослабляется хранением этой любви.

Уподобление Богу и единение с Ним, учит Божественное Писание, достигается лишь любовью к достойным заповедям и их святым исполнением. А что Бог единится с нами и с небесными ангелами в нисхождении, нас учит святой Макарий, который говорит, что благодаря Своей безграничной доброте Великий и Пресущественный умягчает Себя, чтобы соединиться со Своими умными творениями, то есть с душами святых и с ангелами, так чтобы и они могли приобщиться через Его божественность к бессмертной жизни. Так неужели Он, снисшедший до плоти, до тела смерти (Рим 7:24), не снизойдет настолько, чтобы снять упавшее на душу после Адамова преступления покрывало мрака (2 Кор. 3:13–16) и не осенит ее Своим светом любви? Истинные друзья Божии и любящие Его надлежащим порядком приходят к Нему и служат Ему не ради получения красоты Царства (рая), как бы ради прибыли при торговле, и — не из-за страха перед мучением, предназначенным для грешников в геенне, но любят Его Самого по Себе, Творца и Промыслителя, сознавая, что Он — Владыка и Творец, и праведным образом и с любовью несут свое служение Ему и доблестно переносят всякую скорбь.

Если вам понравился этот номер альманаха, вы можете переслать его друзьям и знакомым.